

Глава 15

Длинная дорога в неволе

Ночь шла на убыль, очертания плеч, голов и спин заключенных вырисовывались все отчетливее. Повсюду в каменном дворе и комнатах караван-сарай дрожала от холода молчаливая людская масса. Слабые вскрики детей возникали в холодном воздухе, замирая там и потом возвращаясь в трясину изнеможения и голода.

Охранники появились во дворе и заключенных ко вниманию. Ослабевшие люди поднимали друг друга на ноги, несмотря на свою исключительную физическую слабость. Их готовили отвезти в другое место.

Снаружи собралась толпа. Женщины баби поправляли свои разорванные одежды, стараясь полностью покрыть свои лица и плечи – лица и руки, никогда не открывавшиеся на показ взорам посторонних – и в момент, когда они покинули стены караван-сарай, чувства стыда поглотило их.

Едва ступив на улицу, они увидели лица своих знакомых горожан, исказившихся в гневе, их рты, выкрикивающие проклятия, их оскаленные зубы. Град мелких камней, грязи и плевков обрушился на пленников. Но они только покрепче обняли своих детей, прикрывая их.

Под конвоем они побрали вверх по улице, со всех сторон осыпаемые насмешками и презрительным глумлением, пока они не прибыли в местную школу, Медресе Хан, построенную в 1815 году по приказанию губернатора города.ⁱ Холодный день приближался к концу, а еду так и не принесли. Отчаявшиеся пленники вынуждены были утолять свою жажду застоявшейся водой из школьного фонтана.

Приказ Мирзы Наима, извещающий, что пленников скоро отправят в Шираз, разнесся по всем сторонам города. Несколько килограммов кукурузных лепешек теперь поступали в школу ежедневно. Но некоторые пленники отказывались принимать что-либо из рук своих угнетателей, утоляя свой голод негодной кожурой гранатов и финиковыми косточками, поднятыми с земли.ⁱⁱ

День за днем, горстка сухого, крошащегося кукурузного хлеба спасала от голодной смерти находящихся в безвыходном положении людей.ⁱⁱⁱ

В один день солдаты забрали Шейха Абдул-Али, отца Вахида, одного из старейшин, который все это время подбадривал других баби, и его двух молодых сыновей-подростков. Его принудили смотреть, как обезглавили двух его мальчиков. Затем солдаты, обвинив его в тесном родстве с Вахидом, жестоко убили и его.^{iv} В живых оставили только его жену. Ее родственники помогли ей бежать тем же вечером, однако ее брат отказался приютить ее в своем доме.^v Она нашла убежище в доме слуги, но позже ночью умерла там, не перенеся пережитого ранее.^{vi}

К югу от той школы, где женщин баби держали в заключении, солдаты рыскали по улицам квартала Чинар-Сукти, в поисках и поимки других баби. Обыскивая дома и устраивая облавы, солдаты окружили баби. Гулпаигани солдаты смогли захватить в плен многих баби, из тех, кто спасся после последнего сражения.

Когда пришел день ссылки, пленных женщин вывели на улицу. Чиновник осматривал их очень внимательно, возможно выбирая тех, кто мог выдержать пешее путешествие в Шираз.^{vii} Он

выбрал примерно половину из пленниц, а других отослал домой, в Чинар-Сукти. Женщины и дети в ужасе ожидали своей участи. Слышались рыдания, плач наполнял небеса каждый раз, когда его выбор разделял мать и дочь, сестру с сестрой, бабушку и ее внука; но ничего не могло остановить ужасный отбор.

Пятнадцатилетний юноша, сын Кутба, близкого друга Али Сардара и одного из главных лидеров Баби, и его мать сумели избежать жуткого разделения благодаря поддержке их дяди, но другие члены семьи отвергли их, из-за чего мать и сын впали в нищету, найдя приют в маленьком темном помещении, вход которого был забросан мусором.^{viii}

День отправки пришел, узников собрали и подготовили.^{ix} Отрубленные головы свалили в корзины, женщин связали по двое и усадили на ослов, а детей заставили идти пешком. Мужчин тесно обвязали в группы по десять человек. Когда все было готово, сотни узников, ослы перевозящие в корзинах печальный груз, испуганные дети, солдаты и чиновники, оседлавшие лошадей, стали двигаться к окраине города. Там собралась большая толпа жителей Нейриза поглазеть и выкрикнуть свои последние оскорблении.

Так для узников начались дни долгого путешествия в Шираз, через холод, мизерное количество еды, которого хватало только, чтобы продолжать идти. Они останавливались на ночлег в домах селян, которым солдаты платили за это...

...дети, иногда лишенные матерей, которые не могли продолжать двигаться в холода и голоде, падали и оставались на краю дороги,^x та же участь постигла нескольких матерей, которые не могли сделать следующий шаг...^{xi}

Молодой сын одной женщины по имени Фатими, внучатый племянник главного муллы Шираза, умер от голода...^{xii}

Старый человек, Мулла Мухаммад-Али Кабид, ослабел настолько, что не смог идти и упал на дороге. Солдаты отрубили ему голову и бросили ее в одну из корзин...^{xiii}

...на следующей остановке, сердце одного солдата смягчилось при виде страданий узников. Один солдат дал им два кусочка овечьей кожи, с тем чтобы заключенные могли сварить ее и съесть. Мирза Наим, обнаружив это, приказал избить солдата в предупреждение остальным...

Мирза Мухаммад Абид обессилел от голода и за это был обезглавлен.^{xiv} Когда караван страдальцев двинулся вперед, его тело было выброшено на обочину дороги. Местные соплеменники, позже проходя тем же путем, подобрали и захоронили тело ...^{xv}

В конце концов заключенные достигли своей последней остановки – деревни, расположенной в семнадцати километров от Шираза.^{xvi} Весть о прибытии процесии послали правителю Шираза. На то был его ответ, что в городе проведут большие празднования по этому поводу, и, что процесия может войти в город.^{xvii} Следующим утром женщины усадили на ослов, мужчин построили в ряд, отрубленные головы вынули из корзин и посадили на острия длинных копий, высоко поднятых в небо солдатами шаха.^{xviii} Готовый к своему победному шествию, Мирза Наим возглавлял процессию, которая двигалась вниз по дороге в Шираз.

За высокими городскими стенами Шираза раздавался голос глашатая, посланного правителем Шираза. Чтобы услышать весть о приближающемся празднестве в городе, ширазцы заспешили по запутанным, узким улицам, заключенным между бесконечными глухими стенами одно- и двухэтажных домов, смотрящих окнами внутрь. Горожанки готовились к празднеству, покрывая свои руки и пальцы изысканными темно-оранжевыми узорами из хны – те, что побогаче, украшали себя в своих собственных домах, женщины победнее – в городских банях.^{xix}

В обычный день на базаре, мальчики разносили чашки чая на подносах, утренние посетители пробирались через толпу, уже наполнившую рынок. Торговцы торопились вынести товар из своих лавок, тесно расположенных вдоль кирпичных стен базара. На раскладе появлялись баклажаны, гранаты, лук, соленые огурцы и орехи. Разноцветные горки специй для курицы, рыбы и жаркого, заманивали любопытных прохожих. Ароматы курицы, мяты, куркумы, лаванды, тмина разливались и смешивались в воздухе, голоса торгующихся людей отдавались эхом, отражаясь от каменных потолочных сводов. В чаевнях уже рассаживались мужчины, готовясь провести день в компании друзей, потягивая горячий чай, зажимая при этом кусок твердого сахара между зубами.

Таким был бы обычный день ширазского базара, но этот день был другим, так как длинные пассажи рынка были темными и пустыми. Правитель приказал закрыть все лавки и магазины по причине намеченного городского празднества.

Ширазцы всех сословий вышли на главную улицу, чтобы увидеть ужасных баби, входящих в город через южные ворота Саади. Снова повторялся 1850 год. Первым городские жители увидели гордого собой предводителя процессии – на этот раз это был Мирза Наим, верхом на коне, с видом победителя, и мечом, висящим на боку. Затем ширазцы взволнованно стали показывать пальцами наверх, туда, где виднелись отрубленные головы, насаженные на копья. Под ними шла большая группа мужчин, с трудом продвигающихся впереди более сотни ослов, перевозящих бедно одетых женщин и грязных, голодных детей. Среди них можно было видеть несколько пожилых людей, все еще держащихся на ногах. На лицах узников отразились испытания двух месяцев, которые они перенесли во время шествия по холодным горам. Ширазцы выражали свой страх перед баби, крича на них, хотя все же у некоторых в душе шевельнулось чувство жалости к страдальцам.^{xx}

Женщин и детей провели через город к караван сараю Шах Мир-Али Хамзи, который располагался недалеко от северных ворот Исфахан, на краю Шираза. Мужчин отправили в тюрьму. Там, в темноте тюремных клеток, они встретили других собратьев баби из Нейриза, томящихся там в заключении три года, со временем битвы при крепости Каджих.^{xxi} Отрубленные головы были сброшены в безопасное место, где бы их сохраняли для последнего этапа пути в Тегеран.^{xxii}

Вечером в караван сарай привезли хлебные пайки. Женщины немедленно накормили своих голодающих детей. Ночью в темных каменных комнатах караван сарай стало холодно, и матери прижали своих детей к себе покрепче, в надежде согреть их. Дети клацали зубами от холода, временами просыпаясь и потом опять проваливаясь в сон.^{xxiii}

Следующим утром от правителя Шираза пришел приказ привести баби к нему. На допросе он спросил местного бандита из Нейриза, Джалаля, которого Мирза Наим привез с собой, сообщить ему, кто из баби принимал участие в сражении. Первым, кого развязали и привели, оказался Мулла Абдул-Хусейн, пожилой священнослужитель, который был уважаемым лидером баби три

года. Джалал немедленно признал в нем самого опасного из ведущих баби. И сейчас, Мулла Абдул-Хусейн стоял перед ними, и несмотря на то, что он выглядел физически сломленным и болезненным стариком, неукротимый дух сиял в нем.

Его спросили о его деяниях. Он ответил, что собрал людей для нового Откровения и отметил, что добровольная готовность баби к страданиям служит доказательством его истинности.^{xxiv}

Правитель приказал ему проклясть Баба. Он отказался. Тогда правитель распорядился привезти остальных баби и потребовал от них отречения. Баби остались непреклонными. После этого пятерых человек сразу вывели на тюремный двор. Троих пронзили копьями, двух других обезглавили.^{xxv} Выдающихся богословов среди баби пощадили, оставив им жизнь только для того, чтобы выставить их позже на обозрение в Тегеране.

Одинувшийся старейшина племени убеждал правителя быть милосердным по отношению к тем несчастным. Известно, что ранее он критиковал Мирзу Наима за его ежегодные театральные постановки, воссоздававшие знаменитую историю об убиении почитаемого шиитами Имама Хусейна в Карбиле. На этот раз роли поменялись: правоверными были баби, шииты же были их преследователями.^{xxvi}

Женщины и дети в свою очередь подвергались насмешкам и издевательствам толпы. Жизненные силы детей становились слабее с каждой прожитой холодной ночью. Одна мать попыталась согреть своего сына, убаюкивая его у своей груди. Две ее маленькие дочери свернулись калачиком, придинувшись как можно ближе к матери. Она обняла их и укрыла их теми лохмотьями, которые еще могли служить одеждой. Но их детские жизни неотвратимо угасали, и не в силах матери было это предотвратить. Голод и зимний холод забрали жизни ее детей, также как и многих других.^{xxvii}

Изо дня в день жители Шираза наблюдали эту картину - голодных, одетых в лохмотья женщин и униженных детей. Жестокость всего происходящего стала более очевидной по мере того, как улеглось возбуждение, вызванное триумфальным появлением Мирзы Наима. Постепенно сердца ширазцев смягчались.^{xxviii}

Суровые испытания женщин баби на том не закончились. Было решено, что женщины баби будут отданы солдатам и разным чиновникам, как награда за выслугу. Эти мужчины пришли в караван сарай, отобрали тех, кто им приглянулся, заставляя стать их наложницами. Остальных женщин и их детей отпустили на улицы, бросив на произвол судьбы.^{xxix} Спустя месяцы и даже годы некоторым из них удалось вернуться в Нейриз, тогда, как другие вынуждены были нищенствовать.

В другой части города, Хадиджи Багум, вдова Баба, жившая в доме своей сестры, слышала о суматохе в городе и о страданиях нейризских баби, но не могла выйти даже на улицу, не говоря о том, чтобы повидаться с ними. Со временем, когда ее Муж уехал из дома, она жила в постоянной неопределенности, редко получая информацию о Его местонахождении или состоянии здоровья; даже весть о мученической смерти Баба и Его дяди, в чьем доме она, будучи девочкой, так любила играть, держали от нее в тайне довольно длительное время. Как же она желала видеть тех баби из Нейриза, тех, кто стали духовными сыновьями и дочерьми ее Мужа, самопожертвование которых служило верным знаком Его Миссии! Скоро стало возможным регулярно приводить некоторое число освобожденных женщин в дом друзей, где Хадиджи Багум виделась с ними.^{xxx}

Некоторые женщины даже стали жить в ее доме.^{xxxii} Каждой из женщин Хадиджи подарила тонкий льняной шарф. Одна из них, молодая женщина, чей муж был обезглавлен и его голова посажена на копье, родила ребенка на поле по дороге в Шираз.^{xxxiii} Хадиджи Багум нарекла ребенка именем Хумайюн, что означает «благословенный».

В тюрьме мужчин баби поделили на две группы. Было решено отпустить на свободу шестьдесят наиболее известных баби, не участвовавших в сражении.^{xxxiv} Семьдесят три других баби солдаты связали и подготовили к долгому пути в столицу для того, чтобы представить их в присутствие Шаха Персии.

﴿ۚۚۚۚ﴾

Связанные одной веревкой вместе и сопровождаемые солдатами, заключенные баби начали свое шествие в Тегеран, столицу Персидского Царства, находящуюся в более чем девяностах километрах от Шираза. Ослы, перевозившие корзины с отрубленными головами мучеников, брали следом. Группа вышла через городские северные ворота Исфахан и направилась к скалистым холмам. Была середина зимы, и баби с трудом продвигались через несшийся на них холодный ветер. Позади остались их любимые, оставшиеся без средств к существованию или пленники в чужих домах – те, что остались в живых. Впереди их ожидала неизвестность.

Вскоре коричневая земля с островками зеленои растительности выровнялась, зимний ветер на равнине с еще большей силой хлестал усталых путников. Каждого обессиленного, упавшего на пути пленника солдаты обезглавливали, оставляя тело на обочине дороги.

Один из них был почтенный священнослужитель, Мулла Абдул-Хусейн, тот самый баби, что был ранен в 1850 году и потерял одного сына при сражении в крепости Каджих; его остальные четверо сыновей погибли в сражениях в горах. Будучи на девятом десятке своей жизни, Мулла Абдул-Хусейн потерял остаток своих сил на третий день путешествия. Он был обезглавлен, и тело его было выброшено на землю.^{xxxv}

Через несколько дней они прибыли в последний крупный город провинции Фарс, Абадих, который был основным перевалочным пунктом для племени Кашкай. Местные жители, подстегиваемые своими муллами, вышли на дорогу, чтобы осыпать пленников оскорблениями и издевательствами, пребывая в полной уверенности, что получат за это особые благословения от Бога. В Абадихе процессию встретил посланник Шаха, который принес приказание оставить отрубленные головы, прежде чем продолжить путешествие в столицу. Местные жители отказались похоронить головы на своем кладбище, опасаясь, что присутствие останков баби осквернит это место. Поэтому был выбран заброшенный пустырь на краю города. Солдаты вырыли большие ямы, куда и сбросили останки баби.^{xxxvi} После этого пленных баби принудили продолжить путешествие.

Это безлюдное заброшенное поле на краю Абадиха оставалось нетронутым десять последующих лет.

«Тот, кого Бог проявит», обещанный Бабом, проявит Себя, новые баби поселятся в Абадихе, и будет рождена община бахаи.

Полвека спустя после захоронения останков мучеников, бахаи стояли в присутствие Абдул-Баха в Святой Земле, и на его вопрос, как было названо то поле, бахаи отвечали, «Сад голов мучеников». Абдул-Баха встал и явил Скрижаль посещения для произнесения ее верующим от имени Абдул-Баха.^{xxxvii} Он дал полю новое имя, и с тех пор оно стало называться «Сад Милосердного».

﴿ ﴿ ﴿

Заключенные продолжали свое долгое шествие, временами не имея сил даже сделать последующий шаг. Они устали прошли через бывшую некогда великую столицу Исфахан. Всех обессиленных оставляли на дороге. Путь их лежал через город Кам, где жили богословы, и известный своими испаряющимися озерами на восточной стороне дороги. Около двадцати двух заключенных остались лежать там.^{xxxviii}

Наконец они достигли столицы. Узники были приведены в присутствие Шаха. Его Шахское великолепие приказал пятнадцати из них отречься. Баби отказались сделать это и были казнены за это.^{xxxix} В тюрьме, еще двадцать три баби умерли.^{xl}

Спустя три года тринадцать человек были выпущены на свободу, но большинство из них умерли вскоре после освобождения, и их тела были попросту выброшены. Известно, что четверо оставшихся в живых баби смогли вернуться обратно в Нейриз.^{xli}

Им было суждено принять участие в рождении нейризской общине бахаи.

ⁱ Faizi, 198.

ⁱⁱ Mázandarání, том 4, 50-54.

ⁱⁱⁱ Shaffí', 31.

^{iv} Автор предполагает, что в этом случае существует причина его казни, так как другого видного священнослужителя – Муллу Абдул-Хусейна – пощадили лишь для того, чтобы позже представить его, как ценного узника в присутствие правителя Шираза.

^v Rouhani, том 1, 192. Ahdieh (60) утверждает, что она обратилась к «жене своего брата».

^{vi} Ahdieh, 55. Имя слуги было Карбала-и Рида.

^{vii} Автор предполагает, что это являлось настоящей причиной, так как никакой другой причины для отбора выдвинуто не было; а также потому, что попав в Шираз, женщины баби были забраны солдатами и чиновниками – поэтому они должны были быть физически здоровыми.

^{viii} Rouhani, том 1, 297. Имя мальчика было Мирза Джадар. Бахаулла дал ему фамилию Джалал. Позже Мирза Джалал встречался с Бахауллой и получил от Него несколько скрижалей.

^{ix} Различные источники расходятся во мнении о числе мужчин-узников, но все сходятся на том, что триста женщин баби было захвачено в плен. Точное число детей неизвестно. Rabbani (стр.11, 51,

Ф.73) утверждает, что там было «несколько сотен» детей, но не указывает источник сему. Все источники упоминают о присутствии детей, но не дают никаких подсчетов. Shaffí и Nayrízí, оба являясь свидетелями происходящих событий, сами были детьми в то время. Также источники расходятся во мнении относительно числа и идентификации заключенных мужчин. У Shaffí – восемьдесят с Лутф-Али Хан, и шестьдесят, захваченных Мирзой Наимом в плен позже, но Shaffí не указывает число баби, шедших в Шираз. Mázandarání (том 4, 52) отмечает, что в добавок к восьмидесяти заключенным мужчинам, были еще те баби, которым удалось бежать, и те, что были «не известными» личностями. Rabbani (стр. 11, 51 Ф.73) утверждает, что было всего двести заключенных, хотя он также говорит о «еще нескольких сотнях верующих», подвергшихся облаве в квартале Чинар-Шукти. Rouhani (том 2, 458) дает информацию о ссылке двухсот заключенных, большей частью старых и больных людей. Источники оставляют многие вопросы открытыми, – например, некоторые источники утверждают, что все мужчины, которым было более двадцати лет, были обезглавлены, но если это и так, кого тогда вели в Шираз? Можно с уверенностью сказать, полагаясь на все источники информации, что общее число заключенных, мужчин и женщин, было между четырьмястами пятидесяти и пятьюстами, с неизвестным числом детей.

^x Mázandarání (том 4, 53) утверждает, что некоторые дети были разлучены со своими матерями.

^{xi} From the narrative of Mirzá Qábil Ábádí’í, Цит. по Rabbani стр.13, 4.

^{xii} Он мог быть старшим единокровным братом Кавара Султана. Он был сыном Фатими от ее первого брака (Hussein Ahdieh, “Biography of Khávar Sultán”, www.Nayriz.org)

^{xiii} Мулла Мухаммад-Али Кабид (Shaffí 33).

^{xiv} Мирза Мухаммад Абид (Shaffí 32).

^{xv} Это было племя Байир, которое занималось скотоводством в той местности (Shaffí 32). Две последние истории взяты из Shaffí’s diary, того раздела, который описывает процессию, шедшую в Шираз под руководством Лутф Али Ханом, но, как уже утверждалось в предыдущем примечании, авторы верят, что заключенные шли в одной группе.

^{xvi} Shaffí (33) отмечает, что эта остановка была в трех фарзанг от Шираза. Один фарзанг состоит примерно из пяти с половиной километров.

^{xvii} Faizi утверждает, что именно правитель Шираза отдал приказание посадить головы на копья. Mázandarání (том 4, 53) заявляет, что это был Лутф Али Хан, приказавший это сделать.

^{xviii} Согласно Shaffí (32), группа, ведомая Лутф Али Ханом, вошла в Шираз тремя часами после рассвета; Mázandarání (том 4, 53) утверждает, что это было спустя два часа после рассвета. Так как время, когда группа под командованием Мирзы Наима вошла в Шираз, неизвестно, и, по мнению авторов, была только одна группа заключенных, в настоящем повествовании использовано время, упоминаемое в данном примечании.

^{xix} Cartwright-Jones 43-44.

^{xx} Shafí' (33). Mirzá Qábil Ábádí'í (Ábádí'í, Цит. по: Rabbani, стр. 13, 5) констатирует, что процессия не пошла дорогой через базар, а обошла окольной тропой, так как, как опасалось, могла вызвать чересчур много сочувствия у местных жителей.

^{xxi} Mázandarání, том 4, 54.

^{xxii} Shaffí' 33. Согласно Rouhani (том 1, 197) Отрубленные головы баби хранились в караван-сарае и женщин разместили в барак по соседству с солдатским бараком, но на той же странице Rouhani дает иную версию, приведенную в этой книге. Версия Shafí' выглядит более убедительной и подтверждается Mázandarání (том 4, 54).

^{xxiii} Mázandarání, том 4, 55.

^{xxiv} Mázandarání, том 4, 54-55.

^{xxv} Shafí', 34. Faizi, 115. Rouhani, 117. Мужчин звали: Хаджи, сын Асгара, Али Гармсири; Хусейн, сын Хади Кайри; Садик, сын Салиха; Мухаммад, сын Мохсина. Не совсем ясно из the Shafí' manuscript каким образом были убиты первые два баби. Упоминается только, что их вывели на городскую площадь и убили.

^{xxvi} Mázandarání, том 4, 55. Rouhani, том 1, 196. Предводитель племени был Хаджи Кавамул- Мульк. Он был назначен вождем объединения пяти племен Камзех, иногда называемых также «Бахарлу», или «Арабскими» племенами. (Martin 52). Этот союз был образован центральным правительством с целью уравновесить большое кочевое племя Кашкай, которое в середине 19-го века могло собрать войско в 120 000 человек. (Abrahamian 45-46).

^{xxvii} Mázandarání, том 4, 55.

^{xxviii} Там же.

^{xxix} Momen, Bábí and Bahá'í religions, 150-151. Источник, цитированный здесь, является отчетом британского агента в Ширазе, кто, ранее в том же отчете, утверждает, что в Нейризе триста женщин «жестоко принудили стать их (солдатов) наложницами».

^{xxx} Balyuzi, Khadíjih Bagum, 30.

^{xxxi} Rouhani, том 1, 276.

^{xxxii} Rabbani, с. 15, 11.

^{xxxiii} Ma'aní, 8.

^{xxxiv} Rabbani, с.11, 37. Число 73 повторяется во многих источниках. Если мы последуем за the Shafí' manuscript и сложим число заключенных мужчин из обоих групп, то получим 140. Двое умерли в дороге, 60 были отпущены на свободу в Ширазе, и 5 были убиты в Ширазе, общим числом – 67. Таким образом 73 человека должны были отправиться в Тегеран. Mázandarání, (том 4, 56) подтверждает, что в тюрьме Шираза находились 140 мужчин-узников, несколько из которых

томились там с 1850 года, 67 баби умерли или были обезглавлены в Ширазе, и 73 были отправлены в Тегеран.

^{xxxv} Rouhani v. 1, 193.

^{xxxvi} Ábádi'í (Ábádi'í, Цит. по Rabbani с. 13, 5).

^{xxxvii} Предварительный перевод, предоставленный Тахири Ахдие, Набиль Ханна, Абир Маджид и Розанн Велнич, можно найти на www.nayriz.org

^{xxxviii} Shafí' (34-35) перечисляет имена, погибших в дороге: «Мулла Абдул-Хусейн умер в Сидане; ему отрубили голову и добавили к остальным. Али Карбалаи Заман и Акбар Карбалаи Мухаммад умерли в Абадих; Хасан, сын Абул Вахид, и Мулла Али-Акбар, брат Джинаба Амира, умер в Исфахане. Карбалаи Бакир, сын Мухаммада, и его брат Хасан; Дул Факар Карбалаи Таки, сын Фарки, и его сын Али; Али Хан; Мулла Карим Акунд; Акбар Раис; Гулам-Али Пир- Мухаммад, и Таки и Мухаммад Али, сыновья Мухаммада Джамала, все они погибли в пути.»

^{xxxix} Shafí' (35) упоминает следующие имена: Ака Сийид Али, то, кто был тяжело ранен в горах возле Нейриза и был оставлен там лежать без сознания. Он мечтал дойти до Тегерана и умереть там смертью мученика; Карбалаи Раджаб Салмани; Сифуд-Дин; Сулайман Карбалаи Салман; Джрафар Фарди; Мурад Кайрчи; Хусейн Карбалаи Бакир; Мирза Абул-Хасан; Мирза Таки, которого, за то, что он стал баби, избил прикладом Мирза Абдул-Ваххаб, чтобы угодить Мирзе Наиму; и Мулла Мухаммад-Алим, сын Аки Михди.»

^{xl} Один баби был Али, сын Мир-Шикар Баки (Shafí' 35).

^{xli} Shafí' (35) помнит такие имена: «Один из них был Карбалаи Али-Яр, который умер в Дарол Салам и был похоронен в Тал-и-Хамра. Двое других были Устад Иннаят и Ибрахим, сын Шарифа, которые остались в живых. Также Ака Сийид Хусейн и Устад Али, сын Машхади Сафар, вернулся домой... Карбалаи Зайнул-Абидин остался в Тегеране, и через некоторое время умер.»